

Анна Шнайдер

A surreal collage-style illustration for a book cover. In the center, a man in a grey suit and blue tie holds a woman in a red dress, covering her eyes with his hand. To the left, another man in a light blue shirt and jeans stands with his arms crossed. The background is a chaotic mix of office elements: desks with computers, a potted plant, a blue mug, a red mug, and various papers. A large window shows a city skyline. The overall tone is dramatic and mysterious.

ПРЕДАВШИЙ
однажды

Анна Шнайдер

Предавший однажды

<https://litres.ru/74204048>

Аннотация

Говорят, предавший однажды предаст и дважды. Справедливо или нет? У каждого будет свой ответ на этот вопрос.

Два года назад Надя уже простила мужа, поверила клятвам и уверениям. Но теперь ей кажется, что у него вновь появилась любовница.

Возможно, и правда появилась. А может, ей только кажется?

Внимание: герои будут бесить! :)

По традиции - обсуждения героев приветствуются в любых, даже самых резких выражениях, но переход на личности будет пресекаться. Автор - за вежливое отношение друг к другу.

Содержание

1	4
2	7
3	12
4	16
5	20
6	24
7	27
8	30
9	35
10	40
11	43
12	46
13	50
14	56
15	61
16	66
17	71
18	74
19	77
20	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Надежда

Говорят, что браки заключаются на небесах. А где тогда в таком случае они разрушаются?

В аду? Что ж, этот ответ похож на правду, по крайней мере для меня. Когда искренне и беззаветно любишь человека на протяжении почти двадцати лет, крах отношений напоминает справку от врача с указанием смертельного диагноза. Ты ещё не умер, ты вполне себе жив, но жизнь начала обратный отсчёт, и у тебя на руках — свидетельство этого факта. И делай что хочешь — ори, истери, плачь, рви на голове волосы, — ничего не изменится. В одночасье из живого человека ты превратился в умирающего.

Говоришь себе, что надо жить хотя бы ради детей, но осознание того, что вся твоя жизнь последние несколько лет была ложью, придавливает к земле могильным камнем.

И ещё хуже, когда это не в первый раз. Два года назад было почти то же самое, но я, как многие женщины, решила, что дам шанс, попробую сохранить брак. Никогда не обращала внимания на фразу: «Предавший однажды — предаст и дважды», считала её не менее пустой, чем: «В измене всегда виноваты оба». Люди разные, ситуации разные, и клеймить кого-то заранее только потому, что кто-то когда-то ре-

шил сочинить едкий афоризм, — неправильно. По правде говоря, я и сейчас так думаю... С маленькой поправкой: в моём случае это, кажется, не сработало. Точнее, сработало, но не в мою пользу.

Не знаю, в чём я виновата, но, наверное, виновата, раз спустя два года ситуация повторяется? Несмотря на многочисленные разговоры, клятвы, обещания и даже поход к семейному психологу.

А может, я зря переживаю? Может, всё это — не более чем совпадение и чужое женское имя, сорвавшееся с губ мужа перед тем, как он заснул, ничего не значит? Больше ведь ничего не было, никаких признаний в любви или требований сделать минет, — лишь имя. С придыханием, с благоговением... Или мне только кажется?

Психолог два года назад говорил нам с мужем, что у меня из-за травмы может периодически проявляться недоверие к поступкам и словам супруга, и только от Кости зависит, будет это развиваться или постепенно сойдёт на нет. Муж вёл себя безукоризненно, никогда не давал повода сомневаться в себе. Да, подобное впервые. А я уже погрузилась в самобиечение, как будто пачку презервативов в сумке нашла, как в прошлый раз.

Да, Надя, успокойся. И попробуй проанализировать всё, что случилось сегодня за день.

*

Дорогие читатели, поздравляю вас с новой историей)) Она

будет весьма нервной и местами непредсказуемой))

Если вы верите в меня и мои авторские возможности - ставьте, пожалуйста, звёздочки (не здесь, а в аннотации) - это поможет подняться повыше :)

Надежда

Утром всё было как обычно. Я встала раньше всех, чтобы успеть умыться и приготовить завтрак, и как только вышла из ванной, поднялся муж. Этот ритуал был отточен до мгновения многолетними тренировками и не сбивался практически никогда — исключения составляли выходные и дни всеобщих болезней (поскольку болели мы тоже обычно вместе, вчетвером).

Закончив с сырниками, я шла будить Оксану — нашу старшую дочь. Восемнадцать лет, журфак, творческая личность, она засыпала зачастую после полуночи и проснуться могла, только если ей включить на телефоне что-нибудь из тяжёлого металла, выплеснуть воду из стакана в лицо и заорать:

— Подъём!

— О-о-о, — дежурно стонала Оксана, всё-таки сразу же садясь на постели и вытирая мокрое лицо. — Опя-я-ять этот институт... Мама, когда я буду свободной?

— Никогда! — завершала я наш обычный диалог, Оксана смеялась, и я уходила в комнату к сыну.

Лёве в прошлом месяце исполнилось четырнадцать, он за-

канчивал седьмой класс и, в отличие от Оксаны, которая терпеть не могла технические дисциплины, был математиком от бога. И не только математиком, по правде говоря, — нравилось ему во всём ковыряться, вскрывать мобильные телефоны, компьютеры и даже микроволновые печи. Костя во всём этом мало понимает, поэтому Лёва занимался «препарированием техники», как выражается муж, под патронажем дедушки, Костиного папы, давно вышедшего на пенсию советского инженера. Он же научил Лёву считать в уме, благодаря чему сумму в магазинном чеке я знаю до того, как подойду к кассе. А если есть несостыковки, то ошибся точно не Лёва.

Сын по характеру совсем не похож на Оксану, весёлую хохотушку. Он серьёзный, собранный, занудный и дотошный — в общем, он как я, только мальчик, и не гуманитарий. Два года назад мне стоило огромного количества нервов сделать так, чтобы дети не заметили нашу размолвку с Костей, я сдерживалась изо всех сил, сохраняла лицо, никогда не обсуждала ничего с мужем при них. Оксана и не заметила наш разлад, она вообще тогда была вся в подготовке к ЕГЭ и на внешний мир обращала внимания не больше, чем муравей в процессе строительства муравейника. А вот Лёва... Да, он заметил, что мы с Костей почти не разговариваем, и спросил у меня, в чём дело. Я поначалу пыталась отшутиться, но Лёва прикола не понял.

— Мама, я же не дурак, — сказал он укоризненно. — Ещё два месяца назад вы с папой вели себя иначе. А сейчас как

чужие ходите. Я у деда спрашивал, он мне ничего не ответил, только посмурнел и посоветовал помалкивать. А я не хочу помалкивать. Что случилось-то?

Я тогда, наверное, поступила неправильно, рассказав Лёве правду. Конечно, в общих чертах, но тем не менее правду. Оксана вот до сих пор ничего не знала, а сын... Он по сей день периодически смотрел на Костю настороженно, будто ожидал подвоха. Я говорила, что не надо так, но Лёва лишь пожимал плечами и отвечал, что он не специально.

— Понимаешь, мам, — рассуждал мой юный математик, — вот есть формула. Ты умеешь ею пользоваться, знаешь, как она функционирует. А потом вдруг выясняется, что она неправильная и ты всё это время считал с ошибками. Формулу исправили, но осадочек остался, и есть опасения, что ситуация повторится. Гарантий-то нет.

Увы, но Лёва был прав. И несмотря на то, что я старалась доверять Косте и ничего не вспоминать, нет-нет, но возникали подлые мыслишки: а что, если опять?..

Разбудив сына, который, в отличие от Оксаны, просыпался сразу после того, как его позовёшь, я вновь уходила на кухню.

Костя уже завтракал, энергично пережёвывая сырники и запивая их кофе с молоком. Кофе он готовил сам, точнее, сам молот зёрна ручной кофемолкой, а затем включал кофемашину. Муж улыбнулся и кивнул мне, я чмокнула его в щёку, села рядом и тоже начала завтракать. Через пару ми-

нут на кухню пришёл Лёва, схватил для себя со стола три сырника, налил тёплого молока с мёдом — любит он этот напиток — и плюхнулся на табуретку. Затем, когда мы все заканчивали свою трапезу, переговариваясь о делах на день, из ванной наконец вышла Оксана. Лёва, как обычно, встретил её возгласом:

— Ура! — и тут же побежал умываться. Дочь, рассмеявшись, села завтракать, а Костя, поцеловав её и пожелав доброго утра, отправился одеваться. Я же немного задержалась, чтобы пообщаться с Оксаной перед тем, как все разойдутся кто куда.

Из квартиры мы уходили в таком порядке: сначала Костя на работу, затем Лёва в школу, Оксана в институт, и последней уходила я. Каждый день одно и то же, традиция не менялась много лет. И ничего утром в поведении Кости меня не насторожило, не зацепило, не показалось подозрительным. Я только приняла к сведению, что он вечером придёт позже, поскольку у него совещание с руководством — в этом не было ничего странного, руководитель Кости часто приходил на работу часам к шести, когда все остальные должны были уходить, — и всё.

В результате пришёл муж ближе к полуночи, но и это меня не удивило. Как и то, что от него легко пахло дорогим коньяком, — я была знакома с начальником Кости и знала, что без выпивки у него не обходится ни одно совещание. Но потом муж лёг ко мне в кровать, обнял, прижался со спины,

потискал немного и, засыпая, неожиданно пробормотал:

— М-м-м... Оля...

Вот тут-то меня и подбросило.

Надежда

Подбросило не только в переносном, но и в прямом смысле. Я не удержалась, встала с постели и села в кресло у окна, глядя на кровать, где безмятежно спал муж.

Оля, значит. Что за Оля?

Конечно, я не знала коллег мужа по именам. Когда-то давно, когда мы с Костей работали вместе — на работе и познакомились, — конечно, знала, но с тех пор прошло почти двадцать лет, и, естественно, обстановка давно поменялась. Ту девушку, с которой он проводил время два года назад, звали Кристина, вот это помню, хотя предпочла бы забыть. А сейчас, значит, Оля...

Молодая, наверное. Не то что я — мне-то уже за сорок. Сорок два года, если быть точной. Костя того же возраста, но для мужчин, в отличие от женщин, это вообще не возраст, и муж у меня, можно сказать, жених хоть куда.

Я так расстроилась, что даже ушла в ванную, чтобы немного поплакать. Правда, быстро перестала — посмотрела на себя в зеркало и подумала, что завтра буду слишком плохо выглядеть, а значит, лучше не рыдать. Умылась ледяной водой, потом сходила на кухню и заварила себе чаю. Чай на ночь, точнее, ночью, наверное, плохая идея, но надо же

чем-то себя занять, пока в голове, как макароны в кастрюле, варятся мысли?

А что, если зря я настолько переживаю и вот это «Оля» и «м-м-м» со стороны мужа — не более чем воспоминание о коллеге, которая тоже присутствовала на совещании и откровенно достала? Может, Костя, засыпая, думал о конфликте на совещании, вот и пробормотал это имя?

Господи, Надя, ты сама-то в это веришь?

Я не знала, верю или нет. Два года назад я бы, наверное, и внимания не обратила, похихикала бы ещё утром над мужем, сказала — мол, дорогой, ты настолько заработался, что уже называешь меня другим именем. Надо в отпуск! Но сейчас шутить не хотелось. Не смешно совсем.

И страшно.

А что, если у Кости и вправду опять роман на работе? Вновь прощать, ходить к психологу, слушать его оправдания и каждый день находить дома букеты цветов и другие подарки, улыбаться через силу, уговаривая себя, что это ради семьи, детей и нашей любви? Любви, от которой, наверное, уже почти ничего не осталось.

Да, в какой-то момент я, глядя на спящего мужа, подумала: а я сама-то его люблю? И если два года назад я точно знала, что да, то теперь не смогла бы ответить однозначно.

Я устала опасаться за нашу семью.

Устала вспоминать, каким крахом закончились эти отношения два года назад. Да, закончились — потому что потом

они начались, но уже не такими, какими были прежде.

Устала рассуждать о том, что было бы, если бы я всё-таки не простила и позволила себе развод. По правде говоря, я ведь на самом деле именно этого и хотела... Просто не нашла в себе сил, да и искренне считала, что люди заслуживают второго шанса. И если уж и второй шанс был похерен, тогда...

А что тогда?

Господи, да была ли я счастлива эти два года? Точно не «да». Я натужно сохраняла семью, задвигала на задворки подсознания свои страхи и сомнения, улыбалась, шутила, изо всех сил строила из себя прежнюю Надю, весёлую и беспечную, не являясь ею уже давно.

И вот — получи, фашист, гранату. Оля.

Не сомневаюсь: если утром я спрошу у Кости, что это за Оля такая, чьё имя он шепчет перед сном на ухо жене, муж отшутится. А потом и вовсе может перейти в нападение, как к лучшему способу защиты, — начнёт говорить, что я ему не доверяю, что мне послышалось и вообще, если всё так плохо, давай опять пойдём к психологу.

А мне, похоже, не психолог уже нужен, а самый натуральный психиатр. Чтобы волшебные таблеточки прописал для счастья и спокойствия, раз иначе не получается.

Нет, не буду я у Кости ничего спрашивать. Сначала нужно убедиться, что всё действительно так, как я думаю, а потом уже предъявлять ему доказательства, безо всяких претензий

и обсуждений.

И подавать на развод.

Надежда

Понимая, что если я так и не усну, то на работе буду эффективна как варёная курица для производства яиц, я всё-таки отправилась в спальню к мужу. Легла на своё место, постаравшись отодвинуться от Кости как можно дальше, закрыла глаза и принялась уговаривать себя поскорее отключиться, чтобы больше ни о чём не думать и проснуться уже по будильнику. А потом завтрак, общественный транспорт, работа — и станет легче. Я точно знаю, что станет, выяснила это опытным путём. На работе страдать некогда, иначе страданий навалит ещё сверху, и не только тебе, но и коллегам, за которых ты отвечаешь.

Увы, но подумать или сказать бывает легче, чем сделать. И я ворочалась, морщилась, вздыхала, но сна не было ни в одном глазу. И овец считала, и подушку переворачивала, и даже сама переворачивалась, переложив подушку в ноги. Без толку.

Отчаявшись, я отправилась на кухню за пустырником, и только после приличной дозы растительного успокоительного наконец смогла отключиться.

Проснулась я словно через секунду от щекочущих ощу-

щений за ухом, ласковых поглаживаний по животу и вполне однозначной твёрдости, прижимающейся к моим ягодицам.

— С добрым утром, солнечная моя, — прошептал Костя со смешком и чмокнул меня в шею. — Ты с таким упоением дрыхнешь, что не слышала будильник. И судя по тому, в каком положении спишь, ночью страдала бессонницей. Что-то случилось?

Несмотря на то, что я понимала — Костя ничего предпринимать не станет, ибо некогда, — попыталась отодвинуться от мужа. Я не забыла, что случилось вчера вечером, и Костя был мне неприятен.

— Всё в порядке. На работе просто проблемы, — соврала я, садясь на постели. Костя не стал меня удерживать, но тоже приподнялся и, поймав мою руку, коснулся губами ладони.

Он стал так делать два года назад, после того как я узнала правду. До этого сроду рук не целовал.

— Увольняйся. Переходи на работу к нам. Тебя с руками оторвут, ты же знаешь.

Да, это было правдой. Мы с Костей начинали в одной и той же организации — в крупном издательстве, выпускавшем литературу на любой вкус. Позже, выйдя замуж, я ушла в издательство поменьше, не желая, чтобы на меня постоянно смотрели косо и сравнивали мои успехи с головокружительной карьерой мужа. Там с тех пор и трудилась.

— Не хочу, — ответила я, покачав головой. — Максим Алексеевич, конечно, тот ещё самодур, но у тебя не лучше.

— Это точно, — засмеялся Костя. — Верхов вчера дал жару. Думал, скальп с меня снимет.

И тут я не выдержала.

— А Оля кто такая? Ты во сне её имя бормотал.

Я пожалела, что сказала это, почти сразу, поскольку Костя тут же замер, а затем, сжав мою ладонь сильнее, вздохнул.

— Так вот почему ты плохо спала... — Муж выпрямился, продолжая держать меня за руку, и посмотрел в глаза. — Не надо было врать, Надюш.

— Ага, — скептически хмыкнула я. — Надо было тебя сразу разбудить и потребовать отчёт.

— На самом деле именно так и стоило поступить, — серьёзно отозвался Костя. Его голубые глаза были полны укоризны. Когда-то давно они казались мне красивыми, но уже давно не кажутся. Теперь они напоминают мне рыбы водянистые глазки.

— Глупости. Это не тот вопрос, из-за которого следует будить по ночам. Не потоп и не пожар.

— Это спорный момент, если честно. Мне кажется, что для тебя потоп и пожар предпочтительнее чужого имени, сорвавшегося с моих губ в полусне. Я имею в виду, для твоей психики.

— Не надо обсуждать мою психику, — поморщилась я. — Посмотрела бы я на тебя, если бы это ты нашёл у меня пачку презервативов в сумке, а потом ещё и получил возможность познакомиться с моим любовником.

Костя дёрнулся и закатил глаза.

— Видимо, ты до самой смерти будешь мне это вспоминать.

И тут я искренне обиделась. Потому что за два года, с момента, как мы решили сохранить семью, я ни разу не упрекала Костю в его предательстве. Не делала намёков, не шутила со злостью — ни-че-го! И сейчас говорить такое было абсолютно несправедливо.

— Иди ты в жопу, Костя, — огрызнулась я, выдёргивая свою ладонь из его руки и вскакивая с кровати. — Я пойду умываться и готовить завтрак. Разбуди Оксану, раз уж мы задержались.

— Надя, — крикнул мне вслед муж, — послушай, Оля — это...

— Ничего не хочу знать, — махнула я рукой в его сторону. — Плевать. Хоть Оля, хоть Кристина.

Схватила с кресла свой халат и вышла в коридор.

Надежда

Язык мой — враг мой. Вот эта фраза — точно правдивая на все сто процентов.

Решила же ночью, что не стану ничего обсуждать с Костей, сначала присмотрюсь, а потом уж буду вываливать информацию. Если муж реально завёл себе новую любовницу взамен старой, то сейчас, после сегодняшнего нашего диалога, лишь затаится. И будет усиленно убеждать меня, что ничего нет и быть не может, он же обещал.

Да, надо было молчать. Но что сделано, то сделано, работаем с тем, что есть.

Дальнейшее утро прошло как всегда — я сварила кашу, мы позавтракали, потом в школу и институт ушли дети. И вот тут я сообразила, что вообще-то обычно Костя уходит первым. То ли я не слышала, как хлопнула дверь за ним, то ли он задержался.

Оказалось — второе. И как только я отправилась в спальню, чтобы быстренько переодеться и убежать на работу, обнаружила там Костю. Мрачный и решительный, он сидел на кровати, застеленной моим любимым шерстяным итальянским пледом, в костюме с галстуком, и выжидательно смот-

рел на меня.

— Надя, нам надо поговорить. Я решил, что не стоит откладывать это до вечера.

— Ну говори, — я пожала плечами, двигаясь к шкафу. — Мне-то сказать больше нечего.

— Может, ты в таком случае хотя бы повернёшься ко мне лицом, а не... спиной? — слегка раздражённо поинтересовался Костя, когда я начала рыться в шкафу.

— Мне выходить через десять минут, — парировала я, вытаскивая вешалку, на которой висели мои брюки, пиджак и блузка. — Ты же знаешь, как Максим Алексеевич не любит, когда опаздывают. Пять минут для него как нож в сердце.

— Надя, тебе не кажется, что наши отношения важнее, чем спокойствие твоего начальника?!

Это было справедливо, но я всё ещё слишком злилась, чтобы признать очевидное.

— Да говори уже! — почти рывкнула я, сбросила вещи на кровать рядом с Костей и сделала шаг назад, уперев руки в боки и глядя на мужа сверху вниз. — Вот я, лицом к тебе. Говори, и идём на работу. Оля тебя заждалась.

— Да нет никакой Оли! — Костя от злости аж побагровел. — Ни Оли, ни Наташи, ни...

— Ни Кристины.

— Именно! — кивнул он, глядя на меня со свирепостью. — Единственная Оля, которая могла просочиться в мои

мысли, — это Оля Лиззи. Есть такая блогерша и автор по совместительству, её истории у подростков очень популярны. Мы сотрудничество с ней всё совещание с Верховым обсуждали, он мне мозг затрахал этой Олей! Она столько денег хочет, будто минимум Джоан Роулинг. Как-то надо её уговаривать на снижение гонорара, либо оптимизировать остальные расходы. Вот и думали как. Ну если ты мне не веришь, спроси у Верховова, что ли! Я же весь вечер с ним сидел вместе с руководителями редакций, у меня куча свидетелей! И среди них нет ни одной Оли, Надя!

Я чувствовала растерянность.

Потому что, по правде говоря, ночью я уже вынесла Косте вердикт, и он был однозначным: виновен.

А теперь что же получается? Нет никакой Оли-любвицы, а то, что бормотал муж, — не более чем последствия давления Верховова? Он человек специфический, повлиять может на кого угодно.

— Ладно, — вздохнула я, не зная, как реагировать. — Извини.

— Ты тоже меня извини, — неожиданно мягким тоном произнёс Костя, взял меня за руку и мягко привлёк к себе, приобняв. — Я вспылил. Зря сказал, что ты мне будешь до смерти что-то там припоминать. Ты ни разу ничего подобного не говорила, а сейчас и вправду... повод есть. И если бы на твоём месте был я, отреагировал бы даже резче.

— Да вот хорошо бы ты побывал на моём месте, — про-

бормотала я, всё-таки погладив мужа по волосам. Они у него тёмно-русые и густые, никакого намёка на лысину нет. — Надо тебе такой же экстрим устроить.

— Не надо. Я не такой добрый и благородный, как ты. Я и убить могу, — хмыкнул Костя, целуя меня куда-то в живот. — Ну, раз мы разобрались, я пойду. Меня за опоздание никто ругать не станет, но всё-таки лучше не развивать эту порочную практику. Достаточно Верхов, который на работу приходит к концу рабочего дня.

— Да, — кивнула я, отчего-то совсем не ощущая облегчения. — Конечно. Иди.

Надежда

В отличие от Кости, которому, как целому директору департамента художественной литературы, было несолидно передвигаться до работы при помощи общественного транспорта, я ездила на метро. Всего-то полчаса — и я на месте. И никакого напряжения, что встряну в пробку по дороге, да и быть предельно внимательной не нужно — за почти двадцать лет работы в одной организации путь туда и обратно проходит на автопилоте.

Обычно я использовала эти полчаса, чтобы почитать интересную книгу или посмотреть какой-нибудь сериал. Но сегодня я не читала и не смотрела, а анализировала собственные чувства.

Я должна быть рада объяснению Кости. Он был достаточно убедителен, да и проверить его показания я могла, просто написав или позвонив Верхову. Он врать не станет, и если вчера не было совещания или на нём не обсуждалась небезызвестная Оля Лиззи, тут же мне об этом сообщит. Собственно, в прошлый раз так и было.

Да, я должна быть рада — но почему-то никакой радости я не чувствовала. Мне по-прежнему было неприятно, и что-то свербело внутри, как будто в сердце проделали дырку и

теперь в груди сквозняк.

Глядя на своё отражение в дверях вагона, сразу под надписью «Не прислоняться», я поняла, в чём дело.

Я почему-то не верила Косте. Несмотря на всю его убедительность.

Не верила — и всё.

Прохладный мартовский воздух, в котором уже начинало пахнуть будущим теплом и весной, немного освежил меня и заставил приободриться. В конце концов, даже если Костя на самом деле вновь нырнул в интимные приключения, я справлюсь. У меня есть работа, друзья, дети, увлечения. Я цельный человек и не стану погружаться в самобичевание, что бы там ни было. Не буду повторять ошибок прошлого — два года назад мне казалось, что мир рухнул.

Однако мир по-прежнему здесь. Вот он, стоит как ни в чём не бывало. Весна сменяет зиму, за весной придёт лето, мы с детьми поедem на море, будем покупать ракушки — Оксана их коллекционирует — и пить молочные коктейли до тех пор, пока не заболит горло. А потом наступит осень, ребята вновь отправятся учиться, листья пожелтеют... И однажды утром я проснусь и увижу, что опять выпал снег, а стёкла разукрашены инеем.

Порой в этом равнодушном круговороте времён года чудится какая-то жестокость, но на самом деле он же является и утешением. Что бы там ни было, время будет продол-

жать идти, дети — расти, ночи сменять дни, а солнце вставать именно на востоке, а не на западе.

И эта неизменность два года назад помогла мне понять, что я смогу прорваться сквозь собственную боль и начать жить дальше без неё.

Остались лишь воспоминания.

Надежда

Я познакомилась с Костей, когда пришла работать в «Ямб» — так называется моё прошлое, а у Кости и нынешнее место работы, — огромный издательский холдинг. Я тогда ещё училась в институте на последних курсах, и моя первая должность называлась «младший редактор», иначе — «секретарь редакции». Такой маленький и почти бесправный человек, который совсем ничего не решает и не выпускает, а только заполняет бумажки.

Чем хорошо любое издательство, несмотря на небольшие зарплаты, так это карьерным ростом. И если ты соображаешь и вообще молодец, тебя не оставят заполнять бумажки, а будут двигать дальше. Вот и я через год из младшего редактора превратилась в просто редактора, а ещё через пару лет стала ведущим, то есть могла не только брать то, что мне даст руководитель, но и вести собственные проекты. Естественно, с небольшой оговоркой — если мне удастся их защитить. И защищать эти проекты нужно было у Верхова Леонида Сергеевича — заместителя генерального директора по редакционно-издательской деятельности.

Я его поначалу побаивалась. Большого роста, с всклокоченными полуседеыми волосами — в редакциях шутили, что

он посидел из-за наших косяков, — громкоголосый, он почему-то всегда являлся на работу после четырёх часов дня, когда я уже начинала клевать носом и ждать свободы, и напоминал мне тайфун в образе человека. Верхов не гнушался материться — правда, не при женщинах — и орал на подчинённых, уже не глядя ни на пол, ни на возраст.

Так уж получилось, что мой стол находился недалеко от его приёмной, и он, проходя мимо меня в первый раз — а мне тогда едва исполнилось девятнадцать, — на мгновение остановился, хмыкнул и сказал так громко, что я подпрыгнула:

— Пашка, ты, я смотрю, стремишься быть ближе к той аудитории, для которой выпускаешь книги!

Несмотря на собственную перепуганность, я осознала, о чём говорит Верхов, и, пока мой начальник — заведующий редакцией детской литературы — просто хохотал, хмуро пробормотала:

— Возраст — недостаток, который быстро проходит.

— Это да, — подтвердил Верхов, усмехнувшись и взъерошив собственную полуседую шевелюру, и отошёл. Больше он ко мне никакого интереса не проявлял, более того, уверена, он благополучно забыл тот инцидент и собственный комментарий — а я вот помнила. И когда меня впервые позвали на совещание по утверждению редакционного плана, струхнула до дрожи в пятках. А вдруг он меня вспомнит и вновь пройдёт по моему возрасту? Мне уже было не де-

вятнадцать, а двадцать один, но внешне я не сильно изменилась — была всё такой же маленькой блондинкой с грудью первого размера и голубыми глазами в пол-лица. Цыплёнок, не иначе.

Как ни странно, но мы с Леонидом Сергеевичем поладили с первого же совещания. И несмотря на то, что у меня было отчётливое ощущение, будто от страха мой желудок и все остальные внутренние органы провалились куда-то вниз, в кишки, чтобы там сжиматься и бурлить, я как-то умудрилась говорить ровным голосом и даже вполне умные вещи.

После защиты своего первого проекта я вышла из кабинета Верхова на негнущихся ногах, посмотрела на наручные часы, ужаснулась — почти полночь! — и уже собиралась бежать собирать вещи, когда вдруг кто-то хлопнул меня по плечу и сказал:

— Не так страшен чёрт, как его малюют, да?

Я обернулась и увидела, как мне тогда показалось, самого красивого парня в мире.

Конечно, это был Костя.

Надежда

Он в тот день взялся проводить меня до дома, был весел и откровенно ухаживал, что мне, как девочке, у которой опыта отношений было с гулькин нос, потому что я много училась, а потом работала, было приятно. Костя мне сразу понравился, и я с радостью разрешила ему проводить меня сначала до метро, а потом и дальше, до самого дома.

Обсуждали мы в основном работу, хотя немного задели и институт — Костя оказался выпускником того же вуза, что и я, только учился на другой специальности и на вечернем, а не на дневном отделении, чтобы больше работать. Такая тактика принесла плоды, и почти за пять лет работы в «Ямбе» он из обычного секретаря редакции стал шеф-редактором и помощником директора департамента художественной литературы. Сидел Костя на другом этаже, на наш заходил только во время совещаний, поэтому это был первый день, когда я его увидела. Хотя, возможно, мы встречались в коридорах и раньше, но оба этого не запомнили. А теперь, на совещании, Костя получил возможность меня рассмотреть и был, как он выразился, в восхищении.

— Респект тебе за смелость, — говорил он мне, широко улыбаясь. Зубы у него от природы ровные, ещё и белые, по-

тому что он никогда не курил, — в общем, загляденье. — Верхов — мужик своеобразный, я к нему долго привыкал. Знаешь, что самое главное в работе с ним?

— Что?

— Не принимай всё, что он говорит, на свой личный счёт. Даже если орать он будет на тебя. И помни: почти всё можно исправить, — наставительно произнёс Костя. — Будешь стараться — и всё пойдёт пучком. Пойдёшь в рост, как я.

— Я уже пошла. Начинала-то я как ты.

— Тем более!

В общем, по окончании нашего своеобразного первого свидания Костя поинтересовался, куда я хожу обедать, узнал, что в столовую на первом этаже, и предложил на следующий день пойти туда вместе. А ещё лучше — не туда, а в кафе в торговом центре по соседству.

— Я в это кафе ходила пару раз, — засмеялась я, покачивая головой. — Вкусно, но дорого. Можно только в качестве исключения. Не хочется на обеды спускать половину зарплаты.

— Я угощаю! — уверил меня Костя, и только в этот момент я вдруг осознала, что действительно ему понравилась. Пока мы ехали до моего дома, я почему-то думала, что он просто проявляет вежливость, совещание ведь закончилось поздно. И только услышав безапелляционное: «Я угощаю!» — сообразила, к чему всё идёт.

Помню, как меня затопило жаром с ног до головы. Стало неловко, приятно и настолько волнительно, что я несколько

секунд растерянно молчала, глядя Косте в глаза. А он залихватски улыбнулся, наклонился ко мне, обхватил ладонями за талию — и поцеловал, крепко и сильно, как свою несомненную собственность.

Я даже сказать ничего не успела, растерявшись до невозможности. Да и не знала я, как реагировать на подобное нахальство. Мне казалось безумно странным целоваться с парнем после часа знакомства, и я не стала бы этого делать, но меня ведь не спросили.

— До завтра, — засмеялся Костя, слегка щёлкнув меня по носу, повернулся и побежал по направлению к метро.

— Ты куда? — закричала ему вслед я, неожиданно очнувшись. — Через десять минут закрытие!

— Успею! — ответил он мне, махнув рукой. — Одну станцию всего проехать!

«Ещё и живёт близко! — подумала я в тот момент. — Ну прям сплошные достоинства. Надо брать, Надя!»

Конечно, у Кости не было сплошных достоинств, и вскоре я в этом убедилась. Порой он был чересчур самоуверенным, и это оказалось чревато ошибками, причём не только в работе — во всём. Считая, что точно справится, он, бывало, не просчитывал последствия, мало думал, веря в себя больше, чем в Бога, — и, как итог, попадал впросак. Проявлялось это по-разному и в разных масштабах — от опозданий из-за неучтённого времени на дорогу, до подписания заведомо неудачных контрактов по работе. Я, в отличие от Кости, бы-

ла намного более осторожным человеком, Верхов даже пару раз ставил ему меня в пример, узнав, что мы встречаемся, из-за чего Костя и злился, и гордился мной.

С его родителями я познакомилась месяца через три после того, как мы стали ходить в кафе во время обеда, а по вечерам куда-нибудь ещё, причём почти каждый день, — и я им очень понравилась. Сразу же начались разговоры о свадьбе, о которой мы с Костей сами и не думали. Но его родители, по-видимому посчитав меня удачной партией для сына — как я поняла со слов Натальи Михайловны, моей будущей свекрови, до этого он встречался исключительно с какими-то «вертихвостками», как она выразилась, — торопились поскорее создать новую ячейку общества.

Моя мама, в отличие от родителей Кости, наоборот, просила не спешить. Приводила в пример себя — она выскочила замуж рано, прожила в браке три года, потом развелась. Своего отца я почти не помнила, в памяти остались лишь какие-то обрывки скандалов и вечного крика. Разведясь с мамой, он уехал в другой город, оттуда платил алименты, но меня не навещал и даже не интересовался, где я и что со мной.

Мне было семь, когда в моей жизни появился отчим — поначалу «дядя Лёша», со временем он стал для меня папой. У мамы, к сожалению, больше не могло быть детей по здоровью, поэтому я осталась единственным ребёнком. И горевала вместе с ней, когда папа умер. Я тогда готовилась к за-

щите диплома и чуть её не завалила, не способная сосредоточиться ни на чём.

В общем, моя мама, обжёгшись на первом раннем браке, не хотела, чтобы мы с Костей спешили. Но, если Костя решил, его никто не способен остановить.

И я стала его женой спустя полгода после знакомства.

Надежда

Косо поглядывать на работе начали на меня почти сразу, как по офису пронёсся слух о наших отношениях с Костей. А поскольку девичья фамилия у меня была Рыбина, ещё и прозвище появилось — «рыба-прилипала». Говорили так, конечно, не все, но многие, кому зависть к чужому счастью застилала глаза и хотелось сказать какую-нибудь гадость. Я просто диву давалась: никому из этих сплетников я ничего не сделала, более того, динамичный карьерный рост у меня имелся и до знакомства с Костей. В издательство я устроилась сама, работала честно, козни не строила, знакомых на хлебные местечки не протаскивала. Да и сам Костя — ну он, конечно, парень видный, но не олигарх ведь.

Я обижалась, страдала из-за едких словечек, которые нет-нет, но прорывались у некоторых коллег и в глаза, и за спиной, и в итоге решила уволиться. Нашему браку на тот момент было всего три месяца, ребёнка мы заводить не собирались, решив пару лет пожить в режиме «для себя», и я легко нашла другую работу, съездив на пару собеседований. Естественно, с опытом работы в «Ямбе» мне никто не отказывал, единственное, что интересовало работодателей, — не собираюсь ли я в декрет.

— Ты с ума сошла! — бушевал Костя. — Да плюнь на этих сплетниц, курицы. Зачем рушить себе карьеру? Ты через несколько лет сможешь стать заведующей редакцией!

— Павлу Евгеньевичу ещё нет пятидесяти, — ужаснулась я. — И я надеюсь, что он долго проживёт.

— Да я не об этом, ты же поняла!

— Поняла. Кость, чего ты так переживаешь? Зарплата в «Сове» не хуже.

— Надя, — муж закатил глаза, — при чём тут зарплата? Там редакция — три человека. Это тупиковая ветвь эволюции. Тебя берут сразу выпускающим, как я понимаю, он же главный и младший редактор в одном лице. И будешь ты заниматься одним и тем же! И никакого карьерного роста.

— Карьерный рост будет у тебя. Два карьерных роста наша семья не выдержит. Да и мне через пару лет всё равно в декрет уходить, — отшутилась я, но Костя всё не сдавался.

— А страховка? — он сделал ход конём. — В «Сове» — боже, ну и название! — её нет.

— Нормальное название. Символ мудрости.

— Это маркетинг, Надя! Сова на самом деле — глупейшая из птиц. А самая умная птица — ворона!

— Ну, что ж поделать, — я пожала плечами. — Ради собственного спокойствия и маркетинга приходится пользоваться привычными символами. А что касается страховки... Невелика потеря. Я за годы работы в «Ямбе» ею пользовалась-то всего пару раз.

В итоге Костя сдался. Конечно, не без боя — для уговаривания меня он подключил и моего заведующего, и Верховова. Вот уж кто в выражениях не стеснялся, так это Леонид Сергеевич! Сразу заявил мне, что я — дурная голова. Да-да, та самая, которая всему остальному покоя не даёт.

— Ты пойми, Надежда, — говорил он, глядя на меня как на психически больную, — «Сова» сегодня существует, а завтра нет. А «Ямб» будет всегда. Если он рухнет, то только вместе со всем книгоизданием в стране.

— Все умрут, а я останусь, — пробормотала я, но Верхов шутки не оценил.

— Именно так.

Не знаю, как я тогда умудрилась не сдаться — обрабатывали меня конкретно, даже зарплату повысили. Скорее всего, на итоговое решение повлиял один разговор, который я услышала совершенно случайно, стоя в коридоре за углом. Две бухгалтерши — почему-то именно бухгалтерия меня особенно не любила, — обсуждали, что «весь этот уход Рыбы-прилипалы» — не более чем пиар-акция, дабы показать собственную значимость. Поломается и вернётся.

Меня это задело. Да, тогда, в двадцать с небольшим лет, я ещё была очень подвержена чужому мнению — сейчас бы уже не повелась и сделала так, как хочу, наплевав на то, что думают какие-то незнакомые девушки. Но в то время я была не способна не думать о слухах и сплетнях, поэтому уволилась из «Ямба» и перешла работать в «Сову».

Как ни странно, я в итоге не пожалела. Мне оказалось гораздо уютнее и спокойнее в небольшом коллективе, где любой вопрос можно решить просто поговорив с генеральным директором, а не путём бесконечного написания служебных записок и кучи совещаний. И среди работников нет бесполезных людей, которые непонятно чем занимаются — в «Ямбе», например, существовал «отдел по работе с персоналом», который с лёгкой руки редакторов был переименован в «отдел по борьбе с персоналом» — потому что никакой пользы, кроме вреда, от них не было.

Костя периодически пытался вновь завести со мной разговор о том, чтобы я вернулась в «Ямб», но мне было слишком хорошо в «Сове», чтобы я согласилась. И с нашим генеральным директором, Совинским Максимом Алексеевичем (да-да, название издательства было производным от его фамилии), я почти подружилась, несмотря на его дурной характер и вечную вспыльчивость — он всегда сначала орал, а потом разбирался. И когда я сообщила ему, что беременна, он тоже сначала наорал на меня и уже потом, выпив залпом стакан воды, поинтересовался:

— Ты намерена сидеть в декрете три года или раньше выйдешь?

Вот так и получилось, что я перешла на наполовину внештатную работу задолго до того, как это стало трендом во время пандемии. Конечно, поначалу, когда Оксана, а потом и Лёва были маленькими, работала я на полставки, и Совин-

скому пришлось взять на моё место другого человека. Но не каждый человек выдерживал его характер — и когда наконец дети подросли и стали стабильно ходить в школу и в детский сад, я вновь превратилась в единственного редактора в «Сове».

Вот так мы с Костей и жили много-много лет. Оксана и Лёва росли, мы работали, летом и во время зимних каникул ездили отдыхать. Всякое бывало — и ссоры, и споры, и недопонимания, но я искренне любила Костю и считала, что он любит меня. Я никогда его не ревновала, даже зная, что на работе у него навалом женщин, в том числе молодых и свободных, — просто потому что доверяла ему чуть ли не больше, чем самой себе. А как иначе? За двадцать лет брака Костя меня ни разу не подвёл. А уж когда умерла моя мама и это стало для меня сильнейшим ударом, и вовсе на пару месяцев перешёл в режим нон-стопа — и работал, и с детьми больше занимался, чем я, и даже готовил обеды-ужины вместо меня. А потом взял отпуск на две недели, забрал детей из школы, несмотря на середину учебного года, — и отвёз нас всех на море, лишь бы мне полегчало.

Я гордилась Костей. И тем, как он выглядит, и его уверенностью в себе, и карьерой, и нашими отношениями.

Тем большей неожиданностью и полнейшим крахом моих иллюзий стала обнаруженная в рабочем дипломате мужа пачка презервативов.

Надежда

Казалось бы — подумаешь, пачка презервативов, эка невидаль! Но дело было в том, что мы с Костей давно не предохранялись. Я больше не могла забеременеть — через пару лет после рождения Лёвы мы хотели завести третьего ребёнка, и даже два раза получилось забеременеть, но обе беременности оказались внематочными, и мне удалили сначала одну трубу, а потом и вторую. Поэтому презервативов в нашем доме не было уже много лет. И тем более их не должно было быть в рабочем дипломате мужа.

Да, я доверяла Косте, но не настолько, чтобы не понимать, что это означает. И не настолько, чтобы поверить в его сбивчивые объяснения:

— Надюш, это не то, что ты думаешь... — сразу произнёс муж, увидев, что я застыла посреди коридора с пачкой в руке, как памятник шоковому состоянию. — Это...

— Это тебе будут делать УЗИ, — нервно хихикнула я, и Костя нахмурился, поглядев на меня с недоумением.

— Какое УЗИ?

— Видимо, вагинальное, — вздохнула я и аккуратно положила пачку обратно в дипломат. — Обычно женщинам нужны презервативы во время такого УЗИ, а вот про муж-

чин я что-то не слышала.

— Нет, никакого УЗИ, — помотал головой Костя. — Это... — Он запнулся, и я почти видела, как лихорадочно и быстро шевелятся извилины в его голове, пытаюсь придумать, что бы соврать. Как черви в компосте. — Это я Горину купил. Мы же с ним в командировку на следующей неделе едем, ты же знаешь. А он вроде взрослый мужчина, но в аптеку ходить стесняется. Попросил меня купить.

— Костя... — протянула я, поморщившись. — Что за бред ты несёшь?

— Ну хочешь, я ему позвоню, и он подтвердит?

— Он, как твой подчинённый, может подтвердить даже то, что у тебя есть хвост и на нём кисточка, — огрызнулась я и предпочла убежать от этого разговора, скрывшись в спальне. Мне дико повезло, что ни Лёвы, ни Оксаны дома в тот момент не было — иначе неизвестно, чем бы дело кончилось. Два подростка, особенно Оксана в её нервном состоянии одиннадцатиклассницы перед ЕГЭ, — гремучая смесь. Тем более если мама расстроена и плачет.

Впоследствии Костя ещё несколько раз пытался объяснить мне, что презервативы принадлежали его помощнику, но я не могла поверить в такую ерунду. Однако после четвёртого раза, когда Костя притащил с собой самого Горина, который весьма жарко начал убеждать меня, что всё и правда так, как говорит мой муж, уверял, что это абсолютно глупая ситуация, извинялся... вот тогда я засомневалась.

И позвонила Верхову.

Надежда

Телефон Леонида Сергеевича был у меня с тех пор, как я работала в «Ямбе», и я точно знала, что он его не менял. С моей стороны, конечно, было абсолютной наглостью звонить одному из руководителей «Ямба» после стольких лет, ещё и с подобным вопросом... Но чего не сделаешь ради сохранения брака?

Почему я была уверена, что Верхов в курсе походов моего мужа, если они есть? Я отлично помнила, что он замечал всегда и всё, просто в очень многие вещи не вмешивался. Да и если что-то происходит в коллективе, то не в курсе обычно только слепые и глухие.

— Леонид Сергеевич, здравствуйте! — сказала я сразу, как Верхов взял трубку. Меня потряхивало, но вовсе не потому, что я совершала безумный поступок, а потому, что я понимала — не факт, что я услышу от начальника Кости то, что хочу услышать. — Это Надя Рыбина. Точнее, Надя Тарасова. Помните меня?

— Помню, привет, — слегка удивлённо проговорил в трубку Верхов. Он всегда и со всеми был на «ты», кроме совсем уж возрастных сотрудников. — Чем обязан? Хочешь вернуться? Так это можно через Костю решить.

— Нет, не хочу. Вернуться в смысле. Я хочу спросить...
Вы не знаете, у Кости есть любовница?

— Кх-хм, — кашлянул Леонид Сергеевич после секундной паузы. — Интересно. У тебя всегда было оригинальное мышление, Надя. Жаль, что ты уволилась.

— Вы можете ответить на вопрос или нет?

— Ответить могу. И я рад, что ты позвонила. Костя — хороший работник, но муж он неважный. Причём давно.

— То есть...

— То есть — да.

Чувствуя, как в глазах вскипают слёзы, я всхлипнула.

— А вот этого не надо, — строго произнёс Верхов, а потом почти рывкнул: — Соберись, тряпка! Ещё чего вздумала — рыдать. Тебе три года, что ли?

— Нет. И уже даже не тридцать три...

— Да молодая ты ещё. Это мне почти семьдесят, скоро в утиль. Может, мне тоже поплакать, а? Хором порыдаем. Будет смешно. Что думаешь?

Я истерически рассмеялась. Да уж, некоторые люди не меняются.

— Думаю, не стоит. Я справлюсь. Просто не знаю пока, что делать.

— А чего тут не знать-то? Варианта всего два. Либо развод и девичья фамилия, либо продолжать жить дальше как и жили. Тебе какой больше нравится?

— Н-не знаю...

— Ну подумай. Давай, Надежда. Звони, если что.

«Ну ты заходи, если что», — вспомнила я, положив трубку, и вновь истерически хихикнула. Тогда я думала, что если бы не Верхов, то я и не узнала бы правду, но ошиблась.

Через несколько дней, когда я лихорадочно рассуждала, что делать дальше, подавать на развод или как-то пытаться договориться с Костей, одновременно с этим по максимуму избегая его, ко мне пришла Кристина.

Его любовница.

Надежда

Никогда не думала, что такое вообще бывает в жизни! Как в дурном любовном романе. Любовница является, чтобы познакомиться с женой, подкарауливает её у подъезда, когда достопочтенная супруга идёт на работу, вскакивает с лавочки и решительно заявляет:

— Здравствуйте, Надя! Меня зовут Кристина, и я люблю вашего мужа. А он любит меня.

Я чуть не села прямо на асфальт от изумления. Уставилась на девушку — молодую и красивую, как и положено в дурном романе, — вытаращенными глазами и даже ущипнула себя за руку, подозревая, что вижу кошмарный сон. В моём нервно-расстроенном состоянии это было бы неудивительно.

— Что, простите?..

— Он не хочет вам этого говорить, — продолжала Кристина, неодобрительно поджав губки. — Из-за вашей болезни! Но я не думаю, что это выход. Вы должны знать правду! Ваша болезнь — это ваши проблемы! А Костя имеет право быть счастливым.

Чувствуя себя героиней водевиля, я потёрла ладонью лоб и поинтересовалась:

— Какой болезни?

— Ну как же! — изумилась девушка, хлопая глазками. — Рак груди ведь! Вы лечитесь уже несколько лет.

И в эту секунду, глядя в незамутнённые умными мыслями глаза Кристины, я поняла, во-первых, то, что она откровенно тупая, раз поверила в подобную сказочку про больную жену. А во-вторых...

То есть Костя подобное врал про меня? Врал, что я болею, лишь бы трахаться на стороне, но не разводиться со мной?

Меня жутко затошнило. Почувствовав, что ещё немного — и я сейчас выплесну весь завтрак под ноги этой нахалке, а то и куда-нибудь повыше, я отпихнула её в сторону и побежала к метро. Не удивилась бы, если бы Кристина бросилась за мной и принялась говорить что-то ещё, но она, слава богу, не стала этого делать.

Тот день стал первым в моей карьере, когда я не смогла держать лицо на работе. Меня буквально трясло — и эмоционально, и физически. Хотелось просто встать и побиться головой об стену. Мир вокруг рушился, но, что с этим делать, я не представляла. Как удержать его на месте? Как вернуться в прежние времена, где я жила в счастливом неведении и считала, что мне безумно повезло с личной жизнью?..

Так уж получилось, что с тех пор, как я пришла работать в «Сову», коллектив у нас практически не менялся — и почти двадцать лет я работала с одними и теми же людьми. По иронии судьбы, несмотря на то, что в издательствах коллектив

обычно преимущественно женский, я работала с мужчинами: дизайнером Семёном, чьей задачей было делать детские книги красивыми, и верстальщиком Романом, колдовавшим над тем, чтобы эти красивые книжки не развалились, как только возьмёшь их в руку. Хотя официально Сёма назывался арт-директором, а Ромка — начальником отдела цифровой обработки информации, но от перемены названий суть не меняется. Я тоже официально звалась главным редактором — начинала с выпускающего, но потом наш генеральный меня «повысил», — а на деле была «и чтец, и жнец, и на дуде игрец», и табличек различных «составец».

И с Сёмой, и с Ромкой отношения у меня были прекрасными. В редакции постоянно стоял хохот и царила дружелюбная атмосфера — не чета той, что была в «Ямбе», особенно когда я начала встречаться с Костей. За долгие годы совместной работы у нас с ребятами не было ни одного серьёзного конфликта, все мелкие косяки решались на подлёте, и я безмерно ценила тот факт, что ни за Сёмой, ни за Ромкой не надо было следить — они и сами знали своё дело.

В общем, мы были прекрасной, крепко сбитой командой. И как это обычно бывает в команде, моё нервное состояние сразу заметили, просекли и поинтересовались, что случилось.

Распространяться было не в моих правилах, да и сил на то, чтобы рассказывать про Костю и его Кристину, не имелось, поэтому я просто обтекаемо сообщила, что проблемы в

семье. Ребята переглянулись, и Ромка только начал уговаривать меня пойти во время обеда в кафешку — благо шеф наш на работе отсутствовал, — когда мой телефон завибрировал, и я, покосившись на экран, увидела сообщение от Кости.

«Надюш, Кристина тебе врёт. Я не говорил, не хотел волновать. У меня на работе конкурент появился, он пытается меня подсиживать. Определил, где моё слабое место, и решил туда ударить. Подговорил Кристину тебе соврать. Она недавно стала работать у нас в бухгалтерии, узнала мой домашний адрес и поехала. Пожалуйста, не ведись! Давай вечером поговорим откровенно?»

— Надя, что с тобой? — услышала я удивлённый голос Ромки будто сквозь вату. — Надя?..

В этот момент мои нервы всё-таки не выдержали, и я, зашмыгав носом, позорно разревелась.

Надежда

Нет, ни Сёме, ни Ромке я не рассказала подробности даже после подобного глупого поведения. Но они по крайней мере окончательно осознали, что дело серьёзное, взяли меня под руки и потащили на улицу и в кафе, наплевав на то, что Максим Алексеевич в любой момент мог вернуться и устроить нам выволочку.

Если бы не они, уж не знаю, смогла бы я или нет собраться с мыслями к концу этого дня. Поддержка коллег, которых я давно считала друзьями, оказалась очень кстати, и я всё-таки поняла: бессмысленно прятаться и избегать разговоров с Костей, нужно поставить вопрос ребром. И, конечно, упомянуть о том, что сообщил мне Верхов. Леонид Сергеевич дал мне козырь против Кости — его показания муж оспаривать не мог. Он мог уверять меня, что презервативы принадлежат Горину, что Кристина врёт, подкупленная конкурентом, но слова Верховова — это истина в последней инстанции. Ему лгать точно незачем.

Я вернулась домой, как обычно, около семи. Поужинала с Лёвой и Оксаной, выслушав от дочери кучу измышлений по поводу грядущего ЕГЭ — на дворе стоял апрель, самое время волноваться, — и тут с работы пришёл Костя.

Впервые в жизни, услышав, как он возится в прихожей, вместо радости я испытала... нет, не разочарование. Наверное, что-то похожее испытывает человек, узнавший, что почти двадцать лет считал, будто носит на пальце кольцо с бриллиантом, а камень оказался стекляшкой. Вроде бы кольцо то же самое, да и не знает никто, что это подделка, но всё равно неприятно и чувствуешь себя идиотом. Очень несчастным идиотом. И неясно, то ли выбросить это кольцо, то ли продолжать носить, раз уж привык к нему?

Костя, в отличие от меня, выглядел хоть и нервно возбуждённым, но воодушевлённым. Да, тогда он ещё считал, что сможет меня переубедить. Столько лет безнаказанной лжи даром не прошли, увы. И Костя, как император-узурпатор, чувствовал свою силу и власть.

При детях он, естественно, ничего говорить не стал. Но посматривал многозначительно. И букетик красивый подарил, и новый гарнитур — серьги и кольцо с моим любимым камнем, чароитом, — что только утвердило меня в выводе: виноват. Виноват — и пытается смазать «горку», чтобы на ней было легче кататься.

Начал свою исповедь Костя ближе к ночи, когда и Оксана, и Лёва отправились спать. Дождлся, пока я уберусь на кухне, взял за руку и повёл в спальню. Причём даже поцеловать меня попытался, но я вырвалась. А Костя, страдальчески вздохнув и поглядев на меня с обидой несправедливо обвинённого, укоризненно произнёс:

— Господи, Надя, ну кому ты веришь... А если ко мне придёт какой-то левый парень и начнёт про тебя гадости рассказывать, мне тоже стоит ему верить больше, чем тебе?

— Лучшая защита — это нападение? — криво усмехнулась я, опускаясь на постель. Настроение стремительно портилось, несмотря на то, что до этого казалось — хуже уже некуда.

— Я не нападаю, а констатирую факт, — устало вздохнул Костя, встав передо мной. Навис почти угрожающе и протянул с намёком: — Знаешь, а я ведь тоже могу на тебя обидеться. За недоверие.

— Костя, — я подняла на него глаза, и думаю, что они были полны слёз — потому что муж вдруг вздрогнул и из воинственно-обвиняющего его лица на мгновение стало виноватым, — тебе самому лгать не надоело?

— Надя...

— Я звонила Верхову, — перебила я мужа, и его реакция на эти слова была более чем красноречивой. Больше можно было ничего не говорить — потому что невиновный человек не стал бы так реагировать. Костя же откровенно испугался, аж побледнел. А потом выпалил, начав заламывать руки, как манерная барышня:

— Зачем?

— Потому что Леонид Сергеевич — единственный человек, который всегда говорит правду. Из тех, кого я знаю, по крайней мере. Её он мне и сказал.

Костя кашлянул, отвёл глаза и... сдался.

Удивительно, но даже сейчас авторитет Верхова оказался для него сильнее всех остальных аргументов. А может, он просто боялся потерять работу сильнее, чем меня? Ведь если бы я вновь позвонила Леониду Сергеевичу и стала обвинять его во лжи, вряд ли он оставил бы Костю безнаказанным после такого.

— Хорошо. Ты права — мне надоело лгать. Но я делал это тебе во благо, — пробормотал муж будто через силу. — Не хотел, чтобы ты переживала.

— Очень благородно, — съязвила я, и Костя упрямо поджал губы, скрестив руки на груди в защитном жесте.

Я ясно видела: он не раскаивается. Не жалеет ни о чём. И этот факт убивал меня даже сильнее самой измены.

— У меня было три романа на работе, — признался Костя, не глядя на меня. — Верхов о них знал. Он всегда и всё знает, зараза. Сейчас он очень недоволен, потому что после второго раза он попросил меня больше так не делать. Я обещал, но... Кристина оказалась очень настойчивой. Настолько, что вон даже к тебе приехала. Вбила себе в голову, что я её люблю.

— Ты ей говорил, что я болею.

— Ну говорил, — поморщился Костя. — Надо же было что-то говорить.

— Действительно...

— Надя, не язви, — огрызнулся муж, всё-таки посмотрев на меня. Причём ещё и с укоризной. — Тебе не идёт. Ты все-

гда была мягкой и доброй женщиной. Пожалуйста, прости мне эту слабость. Всё это — полнейшая ерунда, я легко могу быть без этих женщин. А без тебя — нет. И я уверен: ты без меня тоже не сможешь.

Я понятия не имела, смогу или нет. Как-то сложно думать об этом, прожив с человеком бок о бок больше пятнадцати лет.

— Надюш... — Костя всё-таки сел, но не рядом со мной, а на корточках. Заглянул в глаза, заискивающе улыбнулся и продолжил: — Ну пожалуйста, не сердись и прости. Я обещаю, что больше не допущу ничего подобного... Что мне сделать, чтобы ты поверила?

Костя попытался взять меня за руки, но я выдернула ладони и встала — находиться с мужем рядом было неприятно.

— Что за детский сад, Костя? Ты вообще понимаешь, что говоришь? — покачала головой я. — Не сердись, прости... Давай, может, я тоже заведу три романа на работе, а потом тебе скажу нечто подобное? Тебе как, понравится?

— Не понравится, конечно. — Муж встал с корточек, но подойти ко мне больше не пытался. — И я понимаю, как тебе сложно. Но не разводиться же нам?

— Это ещё почему?

— Потому что ты не хочешь развода. И я не хочу. Давай просто забудем. Я пообещаю, поклянусь даже, что никаких больше романов на стороне. И забудем.

— Ты думаешь, это так просто? — я изумилась до глубины

ны души. — Ты пообещаешь, я забуду, и всё пойдёт своим чередом?

— Непросто. Но мы постараемся.

— Знаешь что? — не выдержала я подобного нахальства. — Не зря говорят — сытый голодного не разумеет. И ты тоже сейчас — ни хрена не понимаешь, что всё это не шуточки какие-то. Не разбитая фара у машины, не забытый на кассе кошелёк. Это наша жизнь, наш брак, доверие, в конце концов. Ты всё это до основания разрушил, а теперь такой — «нет, ну *ачётакова*, давай ты меня простишь, тебе жалко, что ли?» Ты даже не раскаиваешься!

— Надя! — попытался вмешаться в мой монолог Костя, но я только махнула рукой и вышла из спальни.

Теперь, вспоминая всё это на подходе к работе, я удивлялась тому, как после всего случившегося вообще умудрилась согласиться не разводиться и попробовать наладить отношения. Не надо было этого делать.

Вот и пожинаю плоды собственной доверчивости...

Надежда

В офисе был только Ромка — Семён на этой неделе взял отпуск и махнул с женой на юга. Самое время — этот сопливый во всех смыслах март достал уже всех, хотелось, чтобы поскорее наступило лето. Семён, в отличие от нас с Ромкой, мог позволить себе взять отпуск весной — его единственная дочь давно выросла, уехала от родителей и активно искала жениха, но пока ей не везло. У Ромы же, как и у меня, детей было двое, только у него чуть младше моих — оба школьники. Мальчишки, двенадцать и шестнадцать лет — самый проблемный возраст, как шутил Ромка.

В отличие от похожей ситуации двухгодичной давности, сегодня я уже не чувствовала себя настолько раздавленной. Да, неприятно и противно, но ощущение перевёрнутого мира ушло от меня ещё ночью и пока больше не возвращалось. Даже наоборот — как только я увидела с утра Ромку и перебросилась с ним парой шутливых фраз о том, настолько достало с утра прыгать через лужи и вообще где обещанная синоптиками весна, ощутила, что голова медленно становится на место.

И даже Верхову я звонить не стану. Во-первых, Костя не такой идиот — любовниц на работе заводить он не будет, раз

уж в прошлый раз Леонид Сергеевич сдал его мне с потрохами. А во-вторых...

— Слушай, Ром, — неожиданно сказала я, глядя на коллегу поверх монитора (Ромкин стол стоял метрах в пяти от меня, по другую сторону от окна, и мы часто так переговаривались, одновременно делая что-то на своих компьютерах), — у тебя бывало такое, что с определённого момента ты становился равнодушным к некогда близкому человеку? Точнее, не совсем к нему, а к его поступкам.

— Что-то я с утра туго соображаю, — улыбнулся мне Рома. Внешне он был полной противоположностью Косте — темноволосый, совсем без седины, выше меня на полголовы, с глубокими карими глазами и совсем не субтильной фигурой. Костя-то до сих пор, как в юности, тот ещё эльф, а Рома — человек-гора. Думаю, ещё пара лет — и у него от сидячей работы начнёт расти «трудовая мозоль». — Приведи пример.

— Ну-у-у... — протянула я, лихорадочно пытаюсь сообразить, как объяснить так, чтобы не выдать себя. — Допустим, есть у тебя друг. И дружишь ты с ним лет двадцать. Считаешь его родным и близким, рассказываешь ему если не всё, то почти всё. А потом он сильно косячит, по сути — предаёт тебя. На первый раз ты прощаешь, а во второй... понимаешь неожиданно, что как-то безразлично. Поначалу больно, а потом уже и боли нет, так, усталость только.

Ромка вздохнул, проницательно посмотрел на меня вни-

мательными глазами цвета кофе и поинтересовался:

— Опять с мужем проблемы, да?

Вместо ответа я развела руками и улыбнулась.

— Ну и не трепи себе нервы, — припечатал Рома. — Не думай о нём. Я, знаешь, много могу тебе сказать, но не стану. Просто прекрати это всё в голове у себя перебирать, как Золушка горох.

— Да ладно, скажи. Что уж там, все свои.

— Не хочу не в своё дело лезть.

— А вдруг мне это поможет?

Рома с сомнением покосился на меня, щёлкая мышкой, пробормотал что-то себе под нос и, когда я уже собиралась уговаривать его дальше, выпалил:

— Да разводишься ты с ним. Чего себя мучить, я не понимаю. Ты прости, Надя, но последние два года — с того самого утра, как ты тут заплакала, я вообще в шоке был тогда, — в общем, я с тех пор тебя счастливой-то и не видел.

— Как это? — удивилась я. А я-то считала, что перво-классно держу лицо.

— А вот так. Заметно было, что ты бодрисься, но всё-таки унываешь. Не понимаю, зачем этот мазохизм, Надя? Ради кого? Только не говори мне про детей, ещё ни одному ребёнку не была полезна несчастная мама. Да и большие они уже у тебя.

Я стиснула зубы, чтобы не поинтересоваться — у него-то самого с женой что? В отличие от Семёна, по которому бы-

ло видно, что в браке тот счастлив — аж лысина лоснилась, — Роман часто выглядел так, будто дома его уже запилили и затюкали. Правда это или нет, я не имела ни малейшего понятия — про свою супругу он никогда не рассказывал. Только про детей. Я знала лишь, что её зовут Лена. Поэтому и упрекать Ромку — мол, а сам-то чего не разводишься? — не могла. Вдруг я ошибаюсь и у него с женой всё нормально, а замученным он выглядит не из-за скандалов дома, а из-за чего-то другого? У него год назад мать от рака умерла — может, в этом и была причина, а всё остальное я себе сама додумала?

— Я два года назад решила, что любой человек заслуживает второго шанса, — объяснила я Ромке. — Разве это несправедливо? Всё-таки мы столько лет вместе...

— Да хрен его знает, справедливо или нет. Может, и да, только на кой чёрт эта справедливость нужна, если ты несчастна? Лучше будь несправедливой и забей на своего мужика. Ты чего, другого не найдёшь?

— Понятия не имею. Я не пробовала.

— Ну вот и попробуешь, — хмыкнул Ромка, и мне почему-то показалось, что он в этот момент смутился. — Новые впечатления получишь. И меньше будешь нервничать, уверен.

— Слушай, — я развеселилась, — не пойму: где твоя мужская солидарность?

— Она сохла в тот день, когда ты тут разревелась, — при-

знался Рома, и на этот раз смутилась уже я. — Я тогда для себя понял: что бы твой муженёк ни натворил, не буду я его защищать. Я с ним не знаком, а вот тебя знаю хорошо. И не хочу, чтобы ты плакала.

Я спряталась за монитор и пробормотала уже оттуда:

— Я больше не буду.

— И это правильно, — похвалил меня Ромка. — Но на счёт развода ты серьёзно подумай, Надь. Если тебе сложно, невыносимо, ещё и, как ты говоришь, стала равнодушной к поступкам мужа, — разводись. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что этот твой подвиг долготерпения в будущем никто не оценит. А дети ещё и скажут: «Мама, не надо было».

Вот тут Ромка точно был прав. Не знаю, как Оксана, она девочка непредсказуемая, а Лёва точно выдаст что-то подобное.

Смущало меня только одно.

Это что же получается — два года терпела, превозмогала, старалась, а теперь — в кусты? А может, Костя правду сказал и не было ничего? Получается, я ни за что буду с ним разводиться?

Несправедливо.

Но с другой стороны — Рома тоже прав, и на кой чёрт мне эта справедливость, если я несчастна?..

Надежда

Два года назад, принимая решение о сохранении семьи, чем я руководствовалась?

Во-первых, мне было страшно. Я жила с Костей, конечно, не большую часть жизни, но вполне достаточную, чтобы бояться остаться без него. Хотя у меня было куда идти — мамина квартира. После того как мама умерла, мы её сдавали, но я могла разорвать договор и переехать туда в любой момент.

Во-вторых, как ни прискорбно это признавать — дети. Я отлично понимала, каким ударом для них станет наш развод с Костей. Особенно для Оксаны: папу она всегда обожала, можно сказать, боготворила. Да и вообще наша семья была дружной, мы все праздники проводили вместе, с удовольствием разделяли интересы друг друга. О такой семье можно только мечтать, такие семьи показывают в рекламе, их публикуют на обложках журналов. Есть чем гордиться... Точнее, было. И мне было жаль это всё терять и хоронить. А уж когда я думала о том, как буду объяснять причину развода Лёве и Оксане, то и вовсе начинала впадать в панику и заранее расстраивалась.

Третьей причиной стали родители мужа. Алексей Вита-

льевич и Ольга Ивановна очень просили, буквально умоляли меня не рубить с плеча, дать Косте шанс исправиться. Я сама им ничего не говорила, естественно, — это муж сообщил, решив подключить в поддержку «тяжёлую артиллерию». И если на него мне было легко огрызаться, то со свёкрами уже не получалось. Они так искренне переживали за нашу семью, более того — Ольге Ивановне стало плохо с сердцем, которое у неё и так слабое, она потом ещё долго лечилась и даже лежала в больнице. Звонила мне оттуда и слёзно умоляла не подавать на развод, уверяла, что Костя одумался и больше не станет меня огорчать.

Я понимала, что это эмоциональный шантаж. Не дура, конечно понимала. Но осуждать свёкров не могла — естественно, они хотели, чтобы наша семья не распадалась. По правде говоря, я в глубине души тоже этого хотела. Точнее, я хотела, чтобы Костя меня не предавал. Жить по-прежнему, считая, что у меня верный муж, которому я всецело доверяю, а не это вот всё.

В-четвёртых, одной из причин стало поведение самого Кости. После первого нашего с ним разговора он, по-видимому, съездил к родителям, где ему промыли мозги, и он стал вести себя иначе. И прощения у меня попросил с жалобной физиономией, и сказал, что очень жалеет, и цветы начал таскать каждый день, да и не только цветы — просто подарки приносил. Ещё и отпуск взял, стал дома хозяйничать — убирался, суп варил, пытался меня соблазнить постоянно, но

я не велась. Я вообще морозилась и разговаривала с Костей только при детях, а в остальное время на контакт не шла и подарки не принимала. Даже когда он презентовал мне машину, я только головой покачала.

Никакими подарками предательство не искупить, глупость это всё.

Переломный момент наступил, когда однажды вечером, прям при детях за ужином, Костя объявил:

— Я сегодня написал заявление об уходе.

Даже Оксана, в этот момент листавшая учебное пособие по истории России, одновременно поедая спагетти болоньезе, вздрогнула и посмотрела на Костю, вытаращив глаза, — что уж говорить о нас с Лёвой.

— Чего? — буркнула дочь, нахмурившись. — Пап, ты шутишь, что ли? Или тебя конкуренты переманили?

— У «Ямба» нет конкурентов, — хмыкнул Костя. — У меня, Ксань, просто кризис среднего возраста. Хочется перемены обстановки. Не переживай, без денег мы не останемся, и на море летом поедem.

— Да я и не переживаю, удивилась просто... — пожала плечами дочь, вновь глядя в учебник. — Знаю, что ты с головой, пап.

«С головой». Я бы поспорила с этим утверждением.

Когда дети уснули, я впервые за последний месяц — именно столько времени прошло с тех пор, как я узнала правду, — сама пошла искать Костю в квартире. Нашла его в

ванной, зашла внутрь, закрыла дверь и спросила, глядя, как он, стоя перед зеркалом, увлечённо чистит зубы:

— Ну и что за вожжа тебе под хвост попала?

Костя сплюнул пасту в раковину, криво усмехнулся, посмотрев мне в глаза в отражении, и ответил:

— Хочу, чтобы ты поняла — ради тебя я на всё готов.

— А, то есть это ради меня? — возмутилась я. — Может, ты ещё руку себе отрубишь и скажешь, что это ради меня? Глупости какие-то, Костя.

— Ну почему же глупости? Я, конечно, люблю свою работу. Но тебя я люблю больше. Хочу, чтобы ты была спокойна. Думаю найти работу с мужским коллективом, а не женским, как у нас.

— Не смей мои тапочки. — Я закатила глаза. — При желании девицу не только на работе можно найти. Да и смысла я не вижу в подобном мазохизме — ты ведь знаешь, что тебя обязательно сдаст Верхов, если что. Поэтому на работе ты теперь точно пас. Но я не обольщаюсь.

— Надюш, — Костя улыбнулся, и в его улыбке мне почудилась какая-то детская беспомощность. — Ну хватит, пожалуйста. Я же пытаюсь пойти тебе навстречу, я и правда на всё готов. Хочешь — уволюсь. Хочешь, вообще химическую кастрацию себе сделаю, чтобы ни на одну женщину больше не смотреть.

— Ты чего такое гово...

— Да в отчаянии я уже! — рявкнул Костя, и я от нежиз-

данности подпрыгнула. — Месяц верчусь как белка в колесе, задолбался. Но ты не говоришь ни да ни нет. Может, решишь уже, а? Если развод, то развод. Если будем налаживать отношения, то будем налаживать. Но ты при этом перестанешь морозиться и начнёшь принимать мои подарки и всё остальное.

Что я могла сказать? Тем более что Костя смотрел с таким отчаянием...

— Хорошо, — выдавила из себя с трудом и зябко повела плечами — на мгновение тело пронзил холод. — Только не надо увольняться. И машины мне дарить тоже не надо.

Спустя секунду на меня будто ураган обрушился.

Костя подскочил ко мне, обнял изо всех сил и, прижав к себе так сильно, что у меня дыхание спёрло, прошептал на ухо, потеревшись носом о мою щёку:

— Ты не пожалеешь, Надюш, клянусь. Никогда не пожалеешь о своём решении... Жизнью моей клянусь, детьми нашими, родителями моими...

Теперь я вспоминала эти слова и думала: неужели и правда Костя настолько циничен, что предал меня во второй раз, невзирая на клятвы и обещания?

Надежда

— Через два месяца корпоратив, — напомнил мне Ромка во время обеда. Мы с ним, не сговариваясь, встали из-за своих столов ровно в час дня, посмотрели друг на друга и, рассмеявшись, решили немного покутить. Пошли не в столовую, а в одну из ближайших к офису кафешек. Там были бизнес-ланчи, но по таким ценам, что после недели походов туда можно было улететь в трубу.

— Да, помню.

— Алексеич собирается снять речной теплоход. Говорит, всё-таки двадцать лет «Сове», надо нормально отпраздновать, а не как обычно — колбасой в переговорной.

— Ого, — я впечатлилась. — Не иначе, сегодня на экваторе сильнейший снегопад, если наш шеф решил разориться на корпоратив.

О скупердяйстве Совинского в издательстве ходили легенды, и не зря — наш генеральный за каждую лишнюю потраченную тысячу рублей драл нещадно. За то время, что я на него работала, выездной корпоратив был лишь однажды — ровно десять лет назад, но я на мероприятие не попала, потому что Лёва и Оксана синхронно болели ангиной.

— Из любых правил должны быть исключения, — засме-

ялся Ромка, глядя на меня с весельем. — Иначе скучно.

Я сразу подумала о том, что Косте, по-видимому, скучно жить по правилам — вот он периодически и отрывается где-то на стороне. И это я ещё не знаю, сколько у него на самом деле романов было! Он тогда сказал, что три, у психолога уверял то же самое, но чего ему стоило соврать?

— Опять ты о какой-то гадости думаешь, — констатировал Ромка, явно заметив тень, пробежавшую по моему лицу. — Давай лучше корпоратив обсудим. Ты же пойдёшь, я надеюсь?

— Как я могу пропустить речной теплоход? Конечно, пойдду. Главное, чтобы погода была хорошая, всё-таки май — месяц переменчивый. Помнишь, в прошлом году в мае снег шёл?

Рома на секунду перестал жевать свой стейк, задумавшись, а потом усмехнулся.

— Представляешь — забыл. А ты сказала — и вспомнил. Я же тогда ещё с мальчишками снеговика лепил прямо посреди зелёной травы и листочков. Фотография получилась феерическая, про единство и борьбу противоположностей. Я тебе её присылал. Мой младший ещё вместо глаз и рта этому снеговiku одуванчики присобачил, а вместо носа листочек воткнул.

Я покивала, улыбаясь, — а сама пригорюнилась.

Вот почему Костя не может быть таким, как Ромка или Семён? Уверена, никаких левых девок ни у того, ни у другого

сроду не было.

Впрочем, я ведь и про Костю была уверена...

— Слушай, Ром, а скажи честно — все мужики жёнам изменяют? — спросила я, сама удивляясь собственной наглости. И глупости. — А то, может, я зря переживаю и у меня всё как у всех.

Услышав от меня слово «изменяют», Ромка побагровел. Потом закашлялся, схватил со стола стакан с чаем — и выпил его почти залпом.

— Он же ещё не остыл...

— Нормально, — хрипло ответил Рома, поставив стакан на стол, и посмотрел на меня... как-то по-новому. Понимая, что ли? — Так вот в чём дело. Ну, я подозревал, конечно, однако уверен не был.

— Что подозревал?

— Что изменил он тебе.

— Почему? — напряглась я. — У меня такой типаж, что ли?

— Да какой типаж, — коллега усмехнулся и покачал головой. — Я про другое. Из-за всего остального, что может быть в браке, мне кажется, ты не стала бы настолько переживать, чтобы прямо до рыданий. Поэтому мы с Сеней решили, что дело в измене.

— А-а-а, то есть вы с Семёном меня обсуждали?

— Думаешь, мы могли удержаться от обсуждений? Конечно, говорили. Оба пришли к выводу, что подрихтовать тво-

его Костю были бы не против. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу... Могу задать тебе встречный. Все женщины верные?

— Не все, конечно. Но большинство, мне кажется.

— Ну, я статистику не собирал. В любом случае — ответ: не все. И с нами, мужиками, то же самое. Я могу только за себя отвечать, и у меня никого не было никогда. Да и где время на эти приключения взять? Работа-дом-работа, поспать-то некогда. Но я — обычная лошадка, рядовой верстальщик...

— Начальник отдела цифровой обработки информации. Я бы попросила! — наставительно произнесла я, погрозив Ромке пальцем, и он засмеялся.

— Ну, ты всё и сама понимаешь. Я не того полёта птица, не директор департамента в «Ямбе». Твой-то муж весь в совещаниях, в конференциях, в командировках. Это совсем другой коленкор. Всё равно что жить среди тортов, когда ты на диете.

Я фыркнула от выбранного Ромкой сравнения, а затем выпалила, толком не успев задуматься о том, что именно спрашиваю:

— А желание было?

— Ты о чём?

Он не понял. Смотрел на меня с недоумением, которое только увеличилось, когда я, изо всех сил сдерживая неловкость, продолжила:

— Ты сказал, что у тебя никого и никогда не было. А же-

ление было? Если не хочешь, не отвечай, конечно...

Чувствуя себя по-дурацки, я нервно схватила за стакан с чаем, и тут же отдёрнула пальцы — чёрт, горячий! И как Ромка его пил?

— Ну почему же, я отвечу. Раз ты спросила. Желание не только было, оно есть и сейчас. Но я слишком хорошо понимаю, какими будут последствия.

В этот момент я как раз подняла взгляд от стакана с чаем на Ромку — и внезапно въехала в смысл его фразы, которую он произносил глядя прямо на меня.

И растерялась.

Нет... Мне, может, кажется?..

— Рот закрой, Надя, — улыбнулся Рома. Глаза его были тёплыми и ироничными. — Муха залетит.

Я послушно захлопнула рот, да и глаза опустила. Взяла в руки вилку, потыкала зубчиками в почти доеденную рыбу, словно надеялась отковырять от неё ещё кусочек, чувствуя какую-то бесконечную растерянность и безмерное удивление.

А я ведь ничего не замечала. Никогда. Ни разу.

И я всерьёз считаю себя умным человеком? Да я непроходимая дура!

Надежда

Больше мы с Ромкой эту тему не обсуждали. Я была откровенно смущена, да и он, кажется, тоже. По крайней мере, несколько раз, когда я ловила на себе его взгляды, Ромка быстро отворачивался. Никаких намёков не делал, и в выражении его глаз я не замечала ни особой жажды, ни желания — скорее, он просто беспокоился за меня и, наверное, вообще жалел о сказанном. Я достаточно хорошо знаю Ромку, чтобы предполагать — он наверняка думает: столько лет молчал, надо было и дальше молчать.

В принципе, я даже отчасти согласна с этим утверждением. Всё было так хорошо, мы всегда по-дружески болтали, никаких задних мыслей у меня сроду не было. А теперь — будут! Потому что невозможно не думать о подобном. И у любого нашего диалога появится привкус недосказанности. А уж чмокнуть Ромку в щёку на Двадцать третье февраля или Восьмое марта я и вовсе больше не смогу!

Двадцать третье, к счастью, прошло, а вот восьмое число в это воскресенье, и через два дня — в пятницу — мужчины должны будут нас поздравлять. Даже Семён грозился вернуться из отпуска на денёк, чтобы подарить мне букетик. Чёрт! Может, прогулять? Сказаться больной? Нет, нельзя.

Ромка тогда решит, что я его избегаю, и ему будет неприятно. Зачем обижать хорошего человека? Он ведь мне ничего плохого не сделал.

В общем, в конце рабочего дня я неожиданно осознала, что после диалога с Ромкой на обеде целиком и полностью перестала думать о Косте, и даже развеселилась. Вот что, оказывается, может помочь страдающей от измены мужа женщине: признание в чувствах от мужчины, с которым вместе работаешь почти двадцать лет!

Хотя надо быть справедливой: о чувствах Рома не говорил. Только о желании. Может, я себе остальное всё надумала и речь шла об одной физиологии? Я, конечно, не надевала на работу откровенных нарядов, но и небольшое декольте бывало, и юбки до колен. Мало ли, загляделся. С кем не бывает?

Но ведь Рома сказал: «Желание не только было, оно есть и сейчас». Сейчас! Значит...

Господи, Надя, прекрати уже думать об этом. Прекрати!!!

Увы, отключить рассуждения не получалось. Я опасалась, что Рома захочет обсудить всё вечером, после окончания рабочего дня, поэтому по-тихому сбежала — улучила момент, когда Ромка ушёл в туалет, быстро покидала вещи в сумку и умчалась, плюнув на то, что до окончания рабочего дня почти целый час. Максима Алексеевича в офисе нет, значит, никто меня пилить не станет. Если что, скажу — дома потоп!

Только оказавшись на улице, я вдруг одумалась, включила мозг и рассмеялась от собственной бестолковости. Надя, ты совсем с ума сошла. Весь день думаешь о какой-то ерунде. Даже если Рома что-то там хочет — это не более чем фантазия. И ему, и тебе понятно, что ничего между вами не может быть. А уж убегать от него, как будто у Ромки чума, точно не нужно. Двадцать лет себе ничего не позволял, и дальше не позволит.

Я внезапно вспомнила его глубокие карие глаза, спокойные и порой иронично-насмешливые, большие руки, запах свежести, который я ощутила не далее как неделю назад, целуя Ромку на Двадцать третье, — и смутилась.

Сорок два года тётке, а всё как девчонка какая-то...

Надежда

Кости дома предсказуемо не оказалось — рабочий день у него был, как и у меня, до шести, но в «Ямбе» вечером начиналась самая движуха, поэтому Костя частенько задерживался. Не было и Оксаны, но она писала о том, что придёт часов в девять, так как они с девчонками пошли после учёбы на выставку, а потом планировали заскочить в кино и в кафе. Несмотря на свою взбалмошность, в плане отчёта о передвижениях Оксана была ответственной донельзя, она всегда писала мне, где находится сейчас, и куда собирается идти потом, и кто рядом с ней. Так что я пока не волновалась, а спокойно начала готовить ужин. Ссоры ссорами, а кормить детей и Костю надо.

Я дожаривала котлеты и доделывала овощной салат, когда из своей комнаты вышел Лёва, сообщил мне, что закончил делать уроки, а потом, плюхнувшись на табуретку, неожиданно спросил:

— Мам, а ты знаешь, что у папы есть второй телефон?

Я обернулась, едва не уронив кулинарную лопатку, и переспросила:

— Что, прости?

— Второй телефон, — хмуро повторил Лёва. — Я сегодня

видел мельком. В бардачке. Я задержался немного, к Генке заходил за тетрадкой, папа меня на полпути увидел и предложил до школы подбросить, чтобы я точно не опоздал. Вот тогда я и заметил.

— Ну... — протянула я, не зная, что сказать. В принципе, если у Кости и вправду кто-то есть, то это вполне объяснимо. — Может, это старый? Папа же менял трубку перед Новым годом.

— Перед прошлым Новым годом, — уточнил Лёва, и я улыбнулась.

— Да, наверное. Летит время.

— Я у него спросил, что это за телефон, — вздохнул сын. — Папа отшутился. Сказал, что он пару раз забывал мобильник дома или на работе и это — запаска. Даже показал мне её. Она была выключена.

— Всё вроде логично, — произнесла я осторожно, не зная, верю или нет подобному объяснению.

— Вроде да, — кивнул Лёва. — Я просто хотел, чтобы ты знала. Потому что... ты ведь не в курсе?

— Не в курсе чего?

— Этой запаски. Вот что мне кажется подозрительным, мам. Будь эта труба на самом деле запасной, мы бы знали, что она у папы в бардачке валяется. А раз мы не в курсе — значит, дело нечисто.

— И это тоже логично, — признала я. Говорить: «Даже ещё логичнее» — я не стала.

— Угу. Вот я и не хочу, чтобы папа тебя обманывал. Почему он не сказал про запаску? Я случайно её заметил, сразу спросил — и он выдал эту легенду. Мне она показалась заготовленной.

— Знаешь, Лёв... — Я выключила котлеты и сварившуюся гречку, подхватила со стола салатницу с овощным салатом и поставила её перед сыном. — Я думаю, у нас с тобой может быть мания преследования.

— Нет, мам, тут какое-то другое название должно быть.

— Скорее всего, но я в маниях не разбираюсь. Ничего же не случилось. Ну, телефон в бардачке выключенный. Может, папа просто забыл про него рассказать? Так бывает. Вылетает из головы, и всё. А мы тут с тобой уже теорию заговора развели.

— Я это вполне допускаю, — кивнул мой серьёзный сын. — Но ты должна знать. Я и папу предупредил, что всё тебе расскажу, он ещё рассмеялся так нервно... Мне не понравилось.

Учитывая наш с Костей утренний диалог — нервный смех меня совсем не удивлял.

— Спасибо, что рассказал, Лёва, — я погладила своего мальчика по голове и ободряюще улыбнулась. — А теперь давай ужинать.

Надежда

В середине нашей с Лёвой трапезы пришёл Костя. С букетом белых роз, увидев которые, я напряглась, почувствовав невольную тошноту. Как в том мультике про волка и пса: «Шо, опять?!»

Нет, только не во второй раз. Если ему не за что виниться, то пусть и не винится! А если есть за что, то лучше развод.

Костя, не подозревающий о моих мыслях, ласково улыбнулся, глядя на меня, и проникновенным тоном произнёс:

— Это тебе, Надь. Сейчас, конечно, ещё не восьмое число, но я решил порепетировать. А восьмого, само собой, тоже подарок будет.

— Не надо меня так одарять, — вздохнула я, но протянутый букет взяла. Ну а куда его? Не в помойное ведро же? Да и розы жалко, они не виноваты, что Костя пытается меня задобрить. Опять на те же грабли! Два года назад ему психолог говорил, что не нужно покупать доверие подарками, от этого ещё противнее становится, но то ли Костя забыл, то ли решил пойти по проторенной дорожке.

— Да я тебя и не одаряю, — покачал головой муж и неожиданно обратился к Лёве: — Мама у нас — чудо, сынок. Другие женщины от мужа то шубу, то машину, то новый те-

лефон требуют. А нашей вон даже цветов не надо.

— Дорога ложка к обеду, — пробурчал Лёва и встал из-за стола. Серьёзный такой, хмурый даже. — Пойду я. Уроки надо доделать.

Сын убежал, а Костя, проводив его взглядом, сел за кухонный стол, глядя на то, как я обрезаю розы, засунув их под кран со струёй холодной воды, и поинтересовался:

— У Лёвы проблемы, что ли? Какой-то он мрачный.

Врать я не стала.

— Подозревает тебя кое в чём.

— Ещё один, — вздохнул Костя с безнадёжностью несправедливо обвинённого. — Слушай, Надя... Давай я тебе отдам свой запасной телефон, проверишь его? Можешь даже выписку какую-нибудь заказать у провайдера, уверен, такие есть. На какие номера звонки были и так далее...

— Я совсем, что ли? — постучала я по голове кулаком, оборачиваясь к Косте уже с вазой в руке. Двадцать одна роза, как обычно. Почему-то муж всегда дарил мне именно такое количество цветов. — Ты мне ещё частного детектива предложи нанять.

— Если тебе станет от этого легче...

— Не станет. Хватит, а? За цветы спасибо, но больше лучше ничего не говори. Сейчас я тебе котлет положу. С чем больше хочешь — с гречкой, с картошкой? Ещё салат вон есть. Только Оксане часть оставь, она наверняка только салат захочет, на вечной диете же.

Костя, посверкав на меня глазами, тяжело вздохнул и про-
бормотал:

— С картошкой. И вместо салата — его всё равно мало
осталось — дай мне огурец, пожалуйста.

Я хотела пошло пошутить, но сдержалась. Хотя Костя все-
гда понимал моё чувство юмора, но сейчас точно не время
для шуток.

Дав мужу две тарелки — одну с картошкой и котлетами,
другую с огурцами, — я на мгновение замерла, раздумывая,
что делать дальше. Мы обычно ужинали вместе, я уходила
с кухни только в тот роковой для наших отношений месяц
— больше никогда. Если и сейчас уйду, Костя точно потом
с меня не слезет, продолжит доказывать, что не виноват и
вообще молодец.

— Слушай, — сказала я, всё-таки садясь на соседнюю та-
буретку, — давай договоримся. Скажи мне правду, Костя.
Как в прошлый раз, ты ведь признался. У тебя *правда* нико-
го нет?

— Правда, — кивнул муж не колеблясь. И посмотрел на
меня исподлобья — упрямо и немного обиженно.

— Хорошо. Тогда не надо виноватиться, розы таскать, по-
дарки дарить. Раз никого нет, то не надо. Иначе у меня воз-
никает ощущение, что ты врёшь. Понимаешь?

— Понимаю. Но иначе действовать сложно, Надя. Я ведь
хочу, чтобы ты не переживала. И доверяла мне.

«Да это, скорее всего, уже невозможно», — подумала я с

усталой безнадёжностью, но вслух сказала:

— Подарки не помогут в любом случае. Так что... либо живём дальше, либо развод.

Костя вздрогнул, посмотрел на меня затравленно и тут же начал энергично мотать головой:

— Нет-нет-нет, Надя! Никаких разводов. Я не хочу!

Я только открыла рот, чтобы сказать: «А я вот не уверена, что не хочу», но решила всё-таки промолчать.

Нет, нельзя так. Может, у меня это сиюминутное? Я просто расстроилась ночью, услышав про Олю из уст мужа, да и рассказ Лёвы добавил подозрений. Вот и сомневаюсь во всём, думаю про развод, представляю, как стану жить одна. Кошку себе наконец заведу! А то у Кости на них аллергия, а я страдай.

Надо понять, врёт он или нет. И если нет, работать над собой, над своими страхами и сомнениями, над недоверием. Но если да... нет, третьего шанса я ему точно не дам. Это чересчур.

— Я имела в виду, что, если ты мне врёшь, точно будет развод, — предупредила я Костю. — Поэтому... хорошенько подумай. Тебе на самом деле больше нечего сказать?

Муж покачал головой и поморщился:

— Нечего. Клянусь. Нет у меня никого.

...А я всё равно ему не поверила.

Надежда

Пока Костя поглощал ужин, я думала о том, что будет ночью.

Два года назад, ещё до того, как мы договорились отправиться к психологу «налаживать отношения», муж пытался меня соблазнить. Учитывая, что от каждого его прикосновения меня автоматом начинало мутить, — успехов подобная тактика не имела, даже наоборот — плоды она приносила исключительно ядовитые.

Раздражение к Косте не уменьшалось, а увеличивалось — и копилось, копилось, копилось... Пока однажды я не вмазала мужу в глаз. Поставила большой синяк, да и себе руку отбила. Вот после этого Костя вдруг сообразил, что не стоит лезть с приставаниями к женщине, которую от тебя тошнит, и она в этом откровенно признаётся. Он-то считал, что я этим просто его задеть хочу. Не понимал, как так — почти двадцать лет я с ним спала и всё было замечательно, а тут в одночасье не хочу.

Ещё один Костин недостаток — почти полное отсутствие способности представить себя на чужом месте. Он не мог осознать, каково это — выяснить, что твой любимый человек, самый близкий и родной, несколько лет тебя обманы-

вал, глядя в глаза. И спал с другой женщиной. Нет, когда я говорила ему — представь, что это не у тебя, а у меня посторонний партнёр, разве тебе было бы приятно? — он на пару мгновений включался в реальность, но потом выключался вновь. Видимо, потому что Косте, как и многим мужчинам, казалось, что «это другое». Одно дело, когда изменяет он, и совсем иное — когда жена. Ему можно, ей нельзя. Если изменяет женщина, это возмутительно! А у мужчины природа такая, полигамная, ничего не поделаешь.

Все эти рассуждения я услышала на сеансах у психолога. Мы на них ходили вдвоём и делились сокровенным. И да, в то время я, конечно, стала понимать мужа лучше. Но с другой стороны — то, что я стала понимать, будто бы надело на меня очки. Именно так — не сняло, а надело. До сеансов я видела Костю мутновато, словно была близорукой, но мне подобрали очки — и я прозрела. И обнаружила, что Костя вовсе не такой красивый, каким я его всегда считала.

Мне не нравились многие его слова, мысли, поступки. И не просто не нравились — я считала это отвратительным до глубины души, я не могла принять подобное. Как психолог ни старалась объяснить мне, что с чужим мнением не обязательно соглашаться, нужно просто признать за ним право на существование — я не могла. В моей голове до сих пор не укладывается, как можно всерьёз думать о том, что измены мужчины — это не страшно, природа и физиология, а неверность женщины — катастрофа, мерзость и обязательно раз-

вод?

В итоге, осознав, что я не приму подобные рассуждения, психолог пошла другим путём для сохранения нашего брака. И Костя благодаря ей понял, что меня оскорбляет его видение ситуации, его внутреннее ощущение, будто он ничего особенного не сделал. Что ему дороже — собственные заблуждения и возможность безнаказанно прыгать по бабам или наши отношения? Потому что, если он хочет их сохранить, должен отказаться и от первого, и от второго. Иначе ничего не получится.

Костя осознал, в чём дело, и меня в то время это впечатлило. Мне казалось, что он будет цепляться за свои убеждения до последнего, до последнего убеждать меня не выдумывать трагедии на пустом месте. Но нет — муж включился, заявил, что ради сохранения нашего брака готов на всё и, раз меня оскорбляют его рассуждения, он не станет больше рассуждать, а будет действовать.

Тем не менее, несмотря на то, что та Костина речь меня убедила в серьёзности его намерений, подпустить мужа к телу я смогла ещё нескоро. В общей сложности с момента обнаружения пачки презервативов в его дипломате до нашего первого после ссоры секса прошло около полугода.

И сейчас, глядя на то, как Костя сосредоточенно доедает огурец, который я из вредности не стала чистить — только «жопки» отрезала, — я думала: действительно ли он усвоил все эти уроки прошлого? Или муж тогда играл? Убеждал

меня в том, что понял и изменился, а сам...

И я загадала. Глупо, знаю. В следующем году мне будет сорок три, а я до сих пор как маленькая девочка — загадываю что-то и думаю: «Если сбудется, значит, так и стоит поступить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.